

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Ангелина Фандорина была ученицей шестого класса школы с историко-филологическим уклоном, но мечтала стать не историком и не филологом, а, наоборот, актрисой. Для этого она занималась в театральном кружке-студии. Начинала с роли Капустки в пьесе «Веселый

урожай», затем была в «Золушке» Третьим Придворным, а со временем ей стали давать настоящие большие роли, потому что у Гели обнаружили явные способности и, может быть, даже талант.

В мае, перед самыми каникулами, она с большим успехом сыграла Гермиону в инсценировке «Гарри Поттера» и в награду получила право выбрать себе роль в следующем спектакле: студия взялась за трагедию Вильяма Шекспира «Гамлет».

По правде сказать, выбирать было особенно не из чего. «Гамлет» — пьеса, написанная для мальчишек. Женских ролей всего две, и обе второго плана: Офелия, которая довольно быстро сходит с ума и тонет, да королева Гертруда — та вообще возрастная.

Динка Лебедева, главная Гелина соперница по труппе и по жизни, страшно распереживалась — была уве-

рена, что Геля выберет Офелию, потому что в Офелию влюблен принц Гамлет, а его будет играть Виталик Сухарев. (Если коротко про Виталика: других таких мальчиков на свете нет.) Но Геля подумала-подумала и сказала, что будет Гертрудой.

Офелия с Гамлетом только разговаривает, а Гертруда, хоть она пожилая, принцу приходится матерью и вообще женщина так себе, в сцене, где убивают Полония, восклицает: «Ах, Гамлет, сердце рвется пополам!», а потом обнимает и целует Виталика. То есть Гамлета.

И теперь Геля на каждой репетиции, три раза в неделю, на совершенно законном основании при всех обнимала Виталика Сухарева, целовала в щеку, и в эту секунду сердце у нее, в самом деле, практически рвалось пополам.

Так продолжалось весь июнь и больше, чем пол-июля, а потом случилась трагедия — настоящая, куда там Шекспиру.

В этот день была генеральная репетиция. Родителей на нее не пустили, зато приехали гости Московского кинофестиваля, иностранные актеры и актрисы. Их заведующий студией Лев Львович пригласил, потому что он с самим Никитой Михалковым знаком.

Все, конечно, волновались, и Геля тоже. От этого она немножко увлеклась и, кажется, обнимала Гамлета чуть дольше, чем нужно. Подумаешь!

А Виталик, когда за кулисы ушли, вытер щеку демонстративно так и громко сказал: «Ты чего, Фандорина? Обслюнявила всего». Все это слышали. И Динка.

В эту секунду сердце у Гели окончательно разорвалось, и, как говорится в русских народных сказках, свет ей стал не мил.

Отошла она в сторону, в глазах темно, а когда сунулся Олежка Ткач (он Горация играл) и шепнул: «Ладно тебе, не обращай внимания», Геля его отпихнула.

Вдруг кто-то сзади трогает ее за плечо и говорит:

— Зря ты так, Ангелина. По-моему, этот мальчик лучше того. К тому же существует версия, что Гораций был из рода фон Дорнов, а значит, он нам родственник.

Это была одна из зарубежных артисток, Геля ее в первом ряду видела. Как попала за кулисы, непонятно. Очень красивая брюнетка с короткой стрижкой и огромными зелеными глазами. Одета — с ума сойти, алые ногти чуть не по пять сантиметров, на груди кулон в виде золотой змейки, проглотившей свой хвост. В общем, эффектная женщина.

В другое время Геля смутилась бы. Ну, как минимум, удивилась бы: иностранка, а хорошо по-русски говорит, да еще фон Дорнов поминает. И потом, в каком смысле «он нам родственник»? Но сейчас Геля была такая несчастная, что ни смущаться, ни удивляться не могла, а только всхлипнула и сказала, что думала:

— Я жить не хочу.

— Довольно глупое замечание, — пожалала плечами странная артистка (все-таки говорила она не совсем чисто, с акцентом). — Не нравится — можно попробовать сызнова. Жизнь — она ведь бесконечная. Как вот эта змейка, — и дотронулась кроваво-красным ногтем до своего кулона. — Мы на свете не один раз живем, а много-много раз. И все эти жизни похожи, как две капли воды. И происходит в них одно и то же. И человек тоже ведет себя одинаково, потому что он так устроен. Но если кто-нибудь вдруг возьмет и поступит не как в прежних жизнях, а по-другому, то вся остальная жизнь тоже поменяется.

Услышав про бесконечную жизнь, Геля на минуточку перестала быть бесконечно несчастной и насторожилась. Гелина мама, Алтын Фархатовна, женщина здравомыслящая и предусмотрительная, сто раз предупредила, что надо держаться подальше от уличных проповедников, которые заманивают простодушных во

всякие опасные секты, для начала предлагая спасение, вечную жизнь, бхагаватгиту и толстенные американские евангелия в мягких переплетках. Папа, правда, говорил, что человеку свойственно искать смысл жизни, а религия — самый короткий путь если не к истине, то к душевному равновесию, но маму разве переспоришь? Рывкнет: «Мракобесие и бредни!» — и весь разговор.

На уличного проповедника странная иностранка никак не была похожа, но Геля читала в Интернете про голливудских актеров (!), которые становились жертвами этих самых мракобесов и мошенников... Как же они назывались? Спелеологи? Серпентологи? Ах, неважно! Геля сразу решила прояснить ситуацию и, отступив на шаг, вежливо, но твердо сказала:

— Вы из религиозной секты? Извините, но я в это не верю.

— Что? Кто?! Я?! — Четко очерченные брови зеленоглазой дамы удивленно поползли вверх. — Ангелина, где ты этого набралась?

— В Интернете, — призналась Геля, — и мама говорила. Извините... Я просто подумала... Раз вы про бесконечную жизнь... И раз вы артистка из Голливуда...

— Я не актриса. Я медик. Профессор медицины, — с непонятной гордостью заявила зеленоглазая (можно подумать, что врачом, хоть и профессором, быть лучше, чем артисткой).

Все равно было неловко, и от смущения Геля зататорила:

— И не из Голливуда? А я еще удивилась, что вы по-русски так хорошо говорите и знаете, как меня зовут! Вы — чья-то мама, да? Хотя я вас ни разу не видела... А! Вы, наверное, не мама, а родственница или просто знакомая... Но вы сказали «фон Дорны» и про Горацио, что он наш родственник? Так что же...

— Хватит! Стоп! — Загадочная дама нервно вскинула ладонь. — Не зря твоя мама называет тебя трещоткой!

— А... откуда вы знаете? — совсем растерялась девочка.

— Я все про тебя знаю, Ангелина. Даже то, что ты летаешь во сне.

— Ну, это не фокус, — разочарованно протянула Геля, — все люди летают во сне. Особенно дети. Говорят — летаешь, значит растешь.

Незнакомка мастерски выдержала паузу и значительным тоном произнесла:

— Хорошо. Я перескажу тебе твой любимый сон. — Дама прищурилась. — Тебе часто снится сказочный замок, большой и мрачный, но совсем не страшный, а очень красивый. Цвета грозового неба, серо-голубой. — Тут дама улыбнулась и одобрительно покивала, будто видела перед собой Гелин замок прямо сейчас, — его окружает дикий луг, и трава там высокая-высокая...

«...цвета ваших глаз», — подумала Геля, но сказать, конечно, не решилась.

— Среди трав там и здесь видны синие колокольчики, особенно яркие под летним солнцем — а день в твоём сне всегда летний и солнечный. Ты идешь к замку, травы и цветы разбегаются волнами от ветра, как безбрежное прекрасное море. Замок не отбрасывает тени, но внутри — полумрак и прохлада. И полно привидений — тоже совсем не страшных. Они грустные...

— Серо-голубые и очень красивые, — потрясенно прошептала Геля.

— Привидения рассказывают удивительные истории, сопровождая тебя в блужданиях по замку, — подхватила дама. — Но ведь ты не просто так там бродишь, правда? Ты ищешь нечто важное!

Геля, должно быть, выглядела совершенной дурой — рот приоткрыт, уши пылают — но, в конце концов, сны это личное и секретное дело каждого человека, а подглядывать нехорошо, и у этих про-

фессоров медицины ни стыда, ни совести. Бессовестный профессор тем временем продолжал (или продолжала?):

— Ты заглядываешь в огромные залы и самые темные закутки, исследуешь лестницы, галереи и, кажется, знаешь их наизусть, ведь этот сон снится тебе часто, с самого раннего детства, но каждый раз у тебя замирает сердце, когда ты видишь дверь в конце коридора — тяжелую дверь темного дуба. Ты осторожно открываешь ее и попадаешь в гулкий, сумрачный зал. Он почти пуст, лишь в самом центре стоит большая ванна, старинная, на бронзовых птичьих лапах. Ванна, полная... — дама театрально закатила глаза и выдохнула: — морковного сока!

— Я никогда и никому не рассказывала этот сон, он такой глупый, — смущенно сказала Геля. — Но, понимаете, я действительно очень люблю морковный сок.

— И очень хорошо. Девочка, способная найти именно то, что любит, даже во сне, даже в замке с привидениями — вот что мне нужно!

— Но кто вы? — Геля была восхищена, но и сбита с толку.

— Меня зовут Люсинда Грэй. Мы с тобой дальние родственники. Двенадцатиюродные. Я приехала сюда с группой голливудских актеров, это верно, однако, как я уже говорила, я не актриса. У меня несколько дипломов и диссертаций, но по основной своей профессии я медик. Сопровождаю главную гостью фестиваля Анджелину Круз...

— Американскую суперзвезду!

— Да, — кивнула Люсинда, — лечу ее от бессонницы. Впрочем, это лишь предлог. Истинная причина моего визита совсем другое. — По взгляду, который она бросила на Гелю, у той возникло странное, совершенно нелепое предположение, будто она, Геля, и есть эта «другая причина».

«Да нет, быть не может», — подумала Геля и спросила:

— А в чем же, в чем истинная причина?

— Слишком торопишься, — усмехнулась необычная собеседница. — Разве тебе уже не интересно про сны?

— Очень интересно! — заверила ее девочка — Но я подумала, что...

— Если будешь все время спрашивать, не дожидаясь ответа, то так ничего и не узнаешь, — строго подняла палец Люсинда. — Я лучший специалист по аномалиям сна, и у меня своя клиника с исследовательским центром в Голливуде. Бессонница — вечная спутница актеров и ученых — вообще, людей, которые нещадно расходуют энергию своих чувств или разума. Клиника так и называется «Фея Снов», и клиенты зовут меня просто Фея.

— А откуда вы так хорошо знаете русский? — не удержалась от вопроса Геля.

— Для того, кто умет правильно ориентироваться в мире снов, выучить иностранный язык не проблема.

— Мама говорит, что обучение во сне это чушь.

— Да неужели? Гипнопедия, или обучение во сне, — одна из главных тем в моих исследованиях. Третью своей жизни человек проводит в царстве Морфея...

— Морфей — бог сновидений в греческой мифологии, — вставила Геля.

— Спасибо, мне уже сообщили, — змеиным голосом произнесла Люсинда, и Геля испуганно прикрыла рот ладошкой. — Но даже в спящем состоянии мозг продолжает активно трудиться, обрабатывая полученные знания! Остается разобраться, как использовать этот дар природы с максимальным эффектом. Первый в мире научный эксперимент по выяснению возможностей восприятия информации во время естественного

сна поставил некий американец Самсон Спайк еще в начале двадцатого века. Его исследования продолжил Гальтон Лоренс Норд, нобелевский лауреат, директор Фонда Ротвеллера...

— Ротвейлер — это собака. Они что, ставили эксперименты на собаках?

— Джей-Пи Ротвеллер — знаменитый филантроп конца девятнадцатого — начала двадцатого века, — пояснила Люсинда. — Институт Ротвеллера занимается аномалиями сна более ста лет.

— За сто лет можно изучить что угодно!

— Люди изучают океан сотни лет, — мягко сказала Люсинда, — его ветры, течения, обитателей вод. За это время мореплаватели и ученые сделали тысячи поразительных открытий, но множество тайн пока так и остались нераскрытыми. Океан не спешит ими делиться. Треть человеческой жизни, посвященная сну, все еще мало изучена, и, может быть, понадобится еще сто лет или намного больше, чтобы изучить это загадочное явление. Но человеческое общество пока слишком несовершенно, и не всеми открытиями стоит делиться — они могут быть использованы во вред.

— И вы тоже совершали такие открытия? — робко спросила Геля.

Люсинда улыбнулась и кивнула.

— А какие? Расскажите, пожалуйста, хотя бы про одно, пусть про самое маленькое!

— Ну, например, у меня есть аппарат, который я условно назвала Slumbercraft. По-русски это будет что-то вроде... — Люсинда задумалась.

— Сонолет? — предположила Геля.

— Да, пожалуй. — Фея вновь благосклонно улыбнулась. — С его помощью я могу настраиваться на волну сновидений конкретного человека и заглядывать в них. А иначе откуда бы я узнала, что тебе снилось, как ты думаешь?

Геля думала, что Люсинда никакой не медик, а настоящая Фея Снов. То есть волшебная. Но признаваться в этом, разумеется, не стала. В одиннадцать лет стыдно верить в волшебников — это для малышни. Хотя, если честно, Геле все казалось волшебным: и появление Люсинды, и ее красота, и этот разговор о снах, даже то, что им никто не мешал, — обычно после репы (то есть репетиции) за кулисами было очень шумно: дети снова-ли туда-сюда, ругались, переодевались, обменивались впечатлениями, а сейчас все куда-то исчезли, Геля с ее удивительной собеседницей были совсем одни.

— Ангелина, ты меня слушаешь? Ангелина!

— Да-да, — поспешила ответить Геля. — А разве врачи изобретают машины? Мне казалось, что это делают... ну, инженеры, или я не знаю...

— Медицина — главная из моих профессий. Но не единственная. У меня научная степень по физике, химии, психологии и биологии...

— Это сколько лет надо было учиться? — с сомнением произнесла девочка. — Вы же еще не очень старая. Вам, наверное, лет тридцать или тридцать пять. Как маме...

— Я гораздо старше, чем выгляжу. Это особое искусство — выглядеть моложе своего возраста. Но тебе, я знаю, оно пока не интересно. В твои годы хочется выглядеть старше.

«Снова волшебство», — подумала Геля. Вслух же у нее вырвалось только «вау!», и она покраснела — папа всегда ее ругал за это «вау!». А Люсинда ничего не сказала — наверное, американским детям можно так говорить.

— Я родилась и выросла на далеком южном острове, где все друг друга знают, все родственники, и вообще — это лучшее место на свете. Но для того, чтоб понять: твоя родина — лучшее место на свете, нужно сначала этот самый «весь свет» посмотреть. Поэтому

молодые жители острова, достигнув определенного возраста, отправляются странствовать. Чужим попасть на остров почти невозможно, он труднодоступен, тем не менее островитяне следят за всем, что происходит в мире, и имеют собственные способы наносить во внешнюю среду визиты.

«И опять как в сказке», — вздохнула про себя Геля. А вслух решила сказать что-нибудь умное, высоконаучное:

— Может, это не остров, а космическая станция? Может, вы — инопланетяне, которые наблюдают за Землей и иногда к нам спускаются?

Но Люсинда все равно рассмеялась:

— Ты смотришь слишком много глупых голливудских фильмов. Мы не инопланетяне, просто такой уж это остров. Он когда-то был необитаем, но одна молодая женщина, моя семь раз «пра» бабушка, сделала его обитаемым. Когда ты подрастешь, я расскажу тебе эту историю. Она необыкновенная. О, я очень многое тебе расскажу. Не сразу — постепенно.

— А что происходит с теми, кто оставляет остров? Они могут вернуться?

— Конечно. Многие возвращаются, приводя с собой жениха или невесту, и больше никогда не покидают пределов острова, потому что теперь уж твердо знают: это лучшее место на свете. Есть и такие как я — лепестки, навсегда унесенные ветром. Я очень хотела бы вернуться, да не могу. Пока не исполню того, что должна исполнить. А для этого, возможно, потребуется вся моя жизнь. И даже всей жизни может не хватить, но тогда... — Люсинда не договорила и как-то странно посмотрела на Гелю.

— А что же это за дело такое? Или нельзя сказать? Это тайна?

— Конечно, тайна. Но, может быть, когда-нибудь я ее и открою. Именно тебе, — медленно проговорила

Люсинда, не отводя от девочки взгляда, — Но не сейчас. Еще рано. Сначала я должна убедиться, что ты умеешь хранить секреты.

— А как вы в этом убедитесь?

— Начнем с маленького секрета. Ты никому-никому не расскажешь обо мне и нашем разговоре. Обещаешь?

— Честное слово! — кивнула Геля. — А когда я увижу вас снова?

— Фандорина! Фандорина, тебя все ищут, ты чего тут залипла? — Из-за кулис высунулся несносный Ткач. Геля обернулась (всего на минуточку!), чтобы яростно прошипеть: «Отссстань ты!», но Люсинде хватило и минуты. Она исчезла. Словно растворилась в воздухе. Впрочем, как и положено феям.

Глава 2

Ласковый свет осеннего солнца лился сквозь стекла. В классе, как всегда, стоял негромкий, но и несмолкаемый гул, время от времени Швабра (на самом деле Вера Павловна, географичка) визгливо требовала тишины, гул на минуту становился глуше, но тут же набирал преж-

нюю силу — дети переговаривались, попискивали мобильники, раздавалось короткое пиликанье электронных игр, хихиканье девчонок и дурацкий басовитый смех Снегирева, троечника и хулигана.

Геля сидела, уставившись в окно, и думала, что только в мае и сентябре бывают эти особенные дни, солнечные и ветреные, когда всем, даже таким вполне рассудительным людям, как она, совершенно невыносимо торчать в глупой школе и слушать вредную и скучную Швабру.

Хотелось встать, ни на кого не глядя, собрать портфель и убраться отсюда куда-нибудь на волю. Молча побродить по Александровскому саду, поглазеть на туристов, посидеть на ступеньках дома Пашкова, зажмурившись, подставив лицо солнцу и ветру. Может быть, подумать о чем-нибудь стоящем, а может, ни о чем не думать.

За последние два месяца ничего важного не произошло. Нет, не так. Произошла куча всяких вещей, которые до встречи с Люсиндой Грэй Геля, несомненно, сочла бы очень важными, но теперь они словно бы и не имели особенного значения.

В августе Эраська, Гелин брат, отправился в какой-то специальный физико-математический лагерь, папа с мамой удрали в отпуск, а Геля осталась с бабушкой. В другое время она бы, пожалуй, обиделась на родителей (а Эраська — ну его вообще), но этим летом ей все было только на руку.

Гелина бабушка, миниатюрная дама с голубыми волосами, уложенными в изящную прическу, была похожа на мумию Мальвины и интересовалась только своим дачным садом, состоянием своего маникюра и пиццеварением своего пуделя Джема. Что касается воспитания детей, бабушка (как она сама говорила) покончила с этим, выдав замуж свою дочь (Гелину маму). От внучки требовалось только хорошо есть, не дразнить собаку и много гулять — куда как просто.

Утром Геля послушно давилась быстрорастворимой фруктовой овсянкой из пакетика и уходила «гулять» — то есть сворачивала за угол дома, к троллейбусной остановке, и уезжала за несколько кварталов в интернет-кафе. День за днем она упорно искала след Люсинды Грэй единственным доступным способом — во всемирной паутине.

Геля неплохо знала английский, потому что ее папа был билингва (так называют людей, свободно владеющих двумя языками, а Гелин папа вырос в Англии), так что она написала всем более-менее подходящим Люсиндам, которых нашла — Люсинде Грэй, доктору философии из Коста-Рики, и Люсинде Грэй, доктору медицины из Дублина, и Люсинде Хуго Грэй, зоопсихологу из Милуоки, штат Висконсин (по ходу дела выяснив, что название штата произошло от красивого слова *ми-*

скасисин — «место красного камня» на языке индейцев-оджибве). Некоторые Люсинды даже ответили — нет, мол, извините, милая Энджелин, никакие дела не заносили их в Москву этим летом.

Тогда она решила поискать Фею Снов по запросу «Фея Снов».

Нашлись: игры для девочек онлайн, песня музыкального коллектива «Эпидемия», фото тети в красивом лифчике, сто тысяч картинок с крылатыми остроухими феями, детские духи и постельное белье.

Все, что угодно, только не клиника с исследовательским центром в Голливуде.

Лето кончилось, а поиски не принесли никаких результатов (если, конечно, не считать результатом тот факт, что за месяц сидения за компьютером и бабушкиной кормежки Геля поправилась на три килограмма, чем привела бабушку в восторг, а вернувшуюся маму в ужас).

Люсинда не появлялась и не давала о себе знать.

Возможно, в конце концов Геля решила бы, что разговор с загадочной иностранкой ей приснился, если бы не та фотография. Общая фотография с прогона «Гамлета», на которой глупо улыбались студийцы и профессионально — приглашенные знаменитости.

Все, кроме Гели и Люсинды.

Вот почему никто тогда не помешал их разговору — пока они с Люсиндой торчали за кулисами, дети и гости фотографировались. Увеличенный снимок висел в актовом зале, где репетировала театральная студия, и Геля часто смотрела на него — просто чтобы не терять надежду окончательно.

Из учебника Динки Лебедевой, сидевшей за первой партой, вдруг брызнул солнечный зайчик — нестерпимо яркий, он заметался по стенам, а потом прыгнул прямо Геле в глаза.

Геля зажмурилась, а когда разжмурилась, то попыталась сосредоточиться на уроке. Но Швабра так занудно гундела о видах географических карт, что Гелю снова унесла волна мрачных мыслей — поводов для них было предостаточно и без каких-то там самозванных фей.

Например, Динка.

Динку Лебедеву можно было назвать ослепительно красивой не только потому, что она имела привычку прятать зеркальце в книжки и урок напролет любоваться своим отражением. Лебедева выглядела именно так, как хотела бы выглядеть сама Геля, — ровные, будто по линейке вычерченные брови, большие синие глаза в пушистых ресницах, чуть вздернутый нос и блестящие, черные, длинные (до самой попы), гладкие волосы — как у моделей в рекламе шампуня по телеку.

Геля вздохнула — мечтать не вредно. Ей до Лебедевой как до звезды. Динка высокая, а Геля, наоборот, маленькая и тощая. Глаза темные, почти черные; волосы светлые, слишком тонкие и легкие, выбиваются из любых косичек — от этого Геля всегда немного встрепанная, будто забыла причесаться. Еще и завиваются на концах в какие-то гадкие кудряшки. Нет, Геля ничего не имела против *нормальных* кудряшек — таких, как у Инки Позднышевой, которой мама этим летом разрешила сделать в крутом салоне химическую завивку «кудри ангела». Вот это кудри! Целая копна тугих, маленьких завитков. Инка с ними стала похожа на маленького львенка. А у Гели...

Конечно, с такой внешностью нечего и рассчитывать, что лучший мальчик в мире обратит на тебя внимание.

Геля украдкой покосилась в сторону Виталика Сухарева и мысленно завизжала «каваииии!каваииии!». Виталик был отаку — двинутым анимешником и, как две капли воды, походил на Тамаки Суо: беспорядоч-

ные льняные пряди падают на невозможного, фиалкового цвета глаза, лицо треугольное, совершенно кошачье, воротник белой лицейской рубахи красиво приподнят. Принц Орана, коротко говоря. Все девчонки в классе, даже Динка, были влюблены в Сухарева по уши.

Настроение у Гели совсем испортилось. Динка — человек неприятный, кто бы спорил, но все равно она особенная. Разбирается в моде, во всяких брендах-трендах и читает взрослый журнал «Офисьель». А Виталик? Ах Виталик!

А вот Геля — самая обыкновенная, как, например, Олежка Ткач. Конечно, папа говорит, что обыкновенных людей на свете нет, все люди особенные, стоит только присмотреться. Но кому, скажите, пожалуйста, придет в голову присматриваться к Ткачу, если на свете есть Сухарев?

У Гели даже в носу защипало от беспросветности ее несчастной жизни, и, кто знает, может, она и расплакалась бы прямо на уроке, но тут раздался гром среди ясного неба, то есть Швабрин вопль:

— Фандорина! Фандорина, к доске!

Геля подпрыгнула — от неожиданности и по въевшейся школьной привычке, — в панике озираясь по сторонам, как человек, которого внезапно разбудили.

К счастью, она додумалась взглянуть на Инку Поздышеву. Та совершенно беззвучно, однако отчетливо артикулируя, произносила: «Ме-ри-ди-а-ны и па-рал-ле-ли».

И Геля спокойно пошла отвечать — меридианы и параллели не представляли для нее опасности. Швабра поставила ей пятерку, еще и похвалила — сказала, что Фандорина молодец, потому что никогда не болтает на уроках, как некоторые, и, сдвинув на кончик носа очки в уродливой, тяжелой оправе, угрожающе посмотрела на класс.

Геля и правда вовсе не была болтушкой и трещоткой, как считала ее мама. Просто если человеку не с кем — совершенно не с кем — поговорить, то все вопросы, и ответы, и рассказы, да просто всякие мысли скапливаются как дождевая вода и временами могут совершенно неожиданно выплеснуться на любого, кто согласен слушать.

А Геле не с кем было поговорить. Совсем не с кем. Дело в том, что у Ангилины Фандориной не было друзей.

Глава 3

ет, в классе к ней все хорошо относились (кроме Динки, конечно, но Динка злилась из-за театральной студии), и никто ее никогда не обижал, даже Снегирев, который ненавидел всех девчонок и вечно им пакостил. И многие, наверное, охотно бы с ней дружили. Но дело в том, что до позапрошлого года Геля и не нуждалась ни в каких друзьях.

Потому что у нее был брат.

Ангелина и Эраст Фандорины — двойняшки. Их так и называли в классе — «А двойняшки сегодня болеют!», «Спроси у двойняшек!», «Двойняшки, вы в театр идете?».

Они родились в один день (Эраська был старше на пятнадцать минут) и никогда не расставались. И в детский сад они ходили вместе, и в школу, и в бассейн, и уроки делали вместе, и гуляли. Ну, ссорились иногда, но не всерьез. Всерьез никто из них ссориться не умел, наверное, потому, что оба унаследовали мягкий папин характер.

А в конце четвертого класса маме вдруг вожжа попала под хвост... Нет, это мама бы так сказала, уж она

в выражениях не стеснялась, а если по-человечески, то маме пришла в голову нелепая мысль немедленно воспитать из Эраськи мужчину. И с этой целью Эраську перевели в другой лицей — «с естественно-математическим уклоном». Потому что будущее — за точными науками, а математика — настоящая мужская профессия. Зная маму — спасибо, хоть не в суворовское училище, но дело в том, что для Эраськи математический уклон вовсе не был естественным — учился-то он хорошо, как и Геля, а все же математику никто бы не назвал его сильной стороной.

Но против мамы нет приема.

Никто и опомниться не успел, как Эраська, синий от зубрежки, уже сдавал экзамены в новом лицее. А Геля осталась в прежнем. Потому что она девочка, и ей не нужна настоящая мужская профессия и точные науки.

Весь ужас произошедшего дошел до Гели только первого сентября, после того, как она избавилась от этих идиотских гладиолусов и сидела за их с Эраськой партией — четвертой в среднем ряду — одна.

Геля все косилась на пустой стул рядом, пока еще не очень понимая, что ее тревожит. Ну, как бывает, когда у человека выпадет молочный зуб — вроде бы ничего страшного, но снова и снова дотрагиваешься кончиком языка до пустой лунки. А вот когда прозвенел звонок и на перемене все стали взахлеб рассказывать о летних каникулах, тут-то Гелю и накрыло.

Она не могла толком ничего рассказать, потому что никто не подхватывал историю в нужных местах и не поддразнивал Гелю, так, чтобы получалось интересно и смешно, и никто не держал ее за руку, и это было как в кошмарном сне — ну, если бы человек привык петь дуэтом и вдруг оказался на сцене один. Геля с ужасом оглядывала лица одноклассников, такие знакомые и... такие чужие. Да, она осталась одна среди совсем чужих людей.

И если уж ей так скверно, то как же там брат? В по-настоящему чужом лице! По-настоящему совсем один!

Пока кончились уроки, пока приехал папа, совесть изгрызла ее почти до дыр. Геле хотелось поскорей добраться до брата, утешить его, заверить, что никто не в силах их разлучить. Они восстанут против родительской тирании! Перед глазами мелькали картины трогательного воссоединения с Эраськой и маминого раскаяния, когда та все поймет. Геля чуть не расплакалась от умиления, честное слово.

Однако реальность превзошла, как говорится. То есть в смысле слез превзошла, а вот повод для этих слез был несколько неожиданным.

Брат сидел на кухонном подоконнике, болтал ногами и не выглядел ни капельки несчастным. Довольно трудно выглядеть несчастным, если пасть у тебя набита мамиными котлетками, и при этом ты бессовестно хвастаешься пятеркой по физике и другими подвигами, совершенными в прекрасной новой школе, а мама одобрительно мурлычет, вместо того чтобы строго сказать — «сядь нормально» и «не разговаривай с набитым ртом».

Сестре Эраська едва кивнул, не отвлекаясь ни от рассказа, ни от котлет. После обеда сразу отвалил делать уроки, а когда Геля подошла поговорить, только досадливо отмахнулся — не видишь, мол, я занят, отстань.

И Геля отстала. Что ж, раз брату она совсем не нужна...

Да что там брату. Никому она не нужна.

Геля и раньше иногда ворчала, что лучше бы ей родиться мальчишкой, потому что кому интересны девочки? С Эраськой вон вечно все носились. Мама воспитывала папу, чтобы тот воспитывал Эраську, требовал закалять волю, и так целыми днями: Эрастик — то, Эра-

стик — это, Эрастик тройку получил — ах, ужас, Эрастик пятерку получил — ах, молодец!

А с Гелей что? Ну, папа мимоходом погладит по голове и назовет своей красавицей, а мама... Нет, вот мама всегда все замечала, но теперь из-за новой работы у нее едва хватало времени приготовить обед, а обед — это мамин пунктик, потому что она была карьеристкой и при этом страшно переживала, как бы карьера не помешала ей быть хорошей матерью. Мама жила в режиме адской молнии, чтобы все успеть. И, конечно, все успевала, такая уж она целеустремленная, но Геле иногда казалось, что если мама остановится хоть на минуту, то сразу уснет на сто ближайших лет — как принцесса из сказки.

В общем, с мамой не поговоришь, с папой вообще бесполезно, да и что бы она им сказала? Что брат ее разлюбил? Чепуха какая-то.

Тогда Геля с головой ушла в творчество. Пропадала в театральном кружке, просто чтобы пореже бывать дома, — если все они так заняты и им нет до нее никакого дела, то и пусть. Она, раз уж такая одинокая, посвятит свою жизнь театру и станет знаменитой актрисой (ведь у нее способности, а может, даже талант). Только все равно было тоскливо и как-то серо от этих мыслей.

А тут вдруг появилась Люсинда, таинственная женщина, которую интересовала — подумать только — именно Геля, но и Люсинда исчезла бесследно, а безрадостная Гелина жизнь осталась прежней.

Грустные раздумья прервал самый жизнеутверждающий звук в мире — звонок с урока.

Класс дружно завопил, школьники вскакивали, с грохотом отодвигая стулья, и в этом гаме тонули последние визгливые наставления Швабры.

Глава 4

Но кое-что в жизни Гели все-таки изменилось. Вернее сказать, не в жизни, а в снах.

Геле и прежде снились всякие интересные сны и некоторые (как сон про замок) часто повторялись. Но после встречи с Люсиндой сны стали совсем особенные — приятно было думать, что это подарок от Феи Снов, оставленный ей на

память.

Первый сон был не сон даже, а так, не в счет, потому что короткий и бессмысленный. Зато очень отчетливый — снилась красивая лакированная коробочка, из которой звучит переливчатая мелодия. На крышке коробочки крутится фарфоровая фигурка пастушки, медленно, в такт, словно танцует. Сон снился почти каждую ночь и ужасно надоел.

Однажды днем Геля стала напевать прилипчивую мелодию при маме, которая заскочила домой приготовить пресловутый обед, и мама изумленно спросила:

— Откуда ты знаешь эту песенку?

— Да это не песенка, а так просто, — смутилась Геля.

— Да песенка же! — настаивала Алтын Фархатовна, и вдруг звонко пропела, дирижируя ножом: — Ах, мой милый Августин, Августин, Августин, ах, мой милый Августин, все пройдет, все, — сдула челку со лба, сделала глубокий вдох и снова заголосила: — Денег нет, счастья нет, дело — дрянь, вот ответ — ах, мой милый Августин, все пройдет, все!

Геля потеряла дар речи и только таращилась на маму.

— Все, — еще раз сказала мама и, поскольку дочь продолжала молча пялиться на нее, повторила: — Все, дальше не помню. Это старинная детская песенка.

— Фигасе, песни были у старинных детей, — покачала Геля головой, — а у нас все «облака, белокрылые лошадки...»

— Не говори «фигасе», папу это огорчает. — Мама взялась резать сельдерей для салата, тут же бросила и снова повернулась к Геле: — Странно... Знаешь, у моей бабушки была очень старая музыкальная шкатулка, исполнявшая эту мелодию. С пастушкой на крышке, — мама мечтательно вздохнула. — Но шкатулка давно пропала. Я-то думала, эту песню сейчас никто и не знает. Так где ты ее слышала?

— Не помню. — Геля пожала плечами, ухватила у мамы из-под рук стебель сельдерея и выскользнула из кухни.

— Обедать будем через полчаса! — крикнула мама вслед.

— Угу! — крикнула в ответ Геля и с облегчением хлопнула дверь своей комнаты.

Фигасе, то есть вот это да! Шкатулка с пастушкой и песня — точно, как в ее сне! Что же все это значит?

Конечно, глупо было рассказывать маме про сон — сразу начались бы расспросы, какие она еще сны видит, мама усмотрит в этом какую-то болезнь, да еще к

врачу потащит. И не рассказывать же ей про Фею Снов — Геля дала слово молчать.

А кроме сна про шкатулку, Геле снились и другие, поинтереснее.

Сон первый — сладостный.

Невероятно красивый сад, весь наполненный сиянием и тихим, будто хрустальным звоном. Гигантские деревья, сплошь увитые диковинными ползучими растениями, кусты, усыпанные нежными цветами, маленькие прозрачные озера, полные серебристо-розовых лотосов, — и каждый лепесток, каждую травинку Геля видит отчетливо и ясно, словно держит их на ладони.

И еще удивительное чувство, *что она не одна*, хотя рядом никого не видно.

Иногда бывают сны страшные, будто рядом кто-то невидимый, и от этого жутко, а тут, наоборот, от этого просто чудесно. Здесь прекрасно все, куда ни посмотри, но ее неудержимо тянет в одном направлении, в самую гущу сада. Там дерево.

Единственное из всех, оно будто бы не в фокусе, окутано сияющей дымкой. Геля идет на этот свет и видит, что источник сияния спрятан в листве — что-то маленькое, похожее то ли на маленький елочный шар, то ли на волшебный аленький цветочек из старого мультика, который Геля так любила в детстве.

Она хочет дотронуться до чудесного источника света. Он обжигает ей пальцы не то жаром, не то, наоборот, холодом. Она отдергивает руку, но ни уйти, ни отодвинуться, ни даже просто отвести взгляд не может.

Ей хочется рассмотреть плод ближе, это почему-то очень-очень важно, важнее всего на свете. Ей и страшно, и сладко — как зимой, перед тем как слететь с крутой ледяной горки. Она касается плода еще раз, он размером с большую вишню или с райское яблочко,

очень твердый, пальцы от него немеют. Геля отдергивает руку и просыпается.

Сон второй, тревожный.

Странный неземной пейзаж, красный песок, сухие голые кусты с причудливо изогнутыми толстыми ветками и еще — кое-где — одинокие пальмы, хлопающие на ветру смешными, как огромные уши, листьями. Пустыня, — понимает Геля, — это пустыня.

Небо над красными песками даже не синее, а бирюзовое, без единого облачка. На горизонте — контур волшебного города, к которому Гелю словно бы несет ветром, как бабочку или легкий лист.

Город все ближе, его стены отсвечивают розовым, как лепестки лотосов, тех, что она видела в чудном саду, и Геле очень хочется рассмотреть его, но ветер словно играет с нею, уносит все выше и вроде бы даже нашептывает что-то непонятное: «...*основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд, пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопрас, одиннадцатое гуацинт, двенадцатое аметист...*».

Наконец ветер опускает Гелю, но не рядом с городом, а чуть в стороне. Отсюда виден голый трехглавый холм, на котором копошатся люди в нелепой длиннополой одежде.

Геле становится любопытно — а что это они там делают? — и ветер, будто услышав, несет ее на вершину холма.

Несколько чумазных мужчин роют яму, поднимая клубы густой, красноватой пыли. Двое с лицами, замотанными грязными тряпками, там, в глубине, яростно долбят мотыгами каменистую землю, остальные суетятся по краям, вытаскивают на веревках кожаные ведра, полные камней. Один из находящихся в яме вдруг стаскивает с лица тряпку и что-то кричит на

грубом, незнакомом языке. Бросает мотыгу, опускается на колени, разгребает пыль руками, отбрасывая в сторону какие-то деревяшки. Геля совсем близко и может разглядеть его как следует — худощавый, но широкоплечий, с длинными темными волосами и синими глазами, он кажется ей странно знакомым. Вдруг что-то блеснуло в пыли, но в этот момент мужчина поднял голову и внимательно посмотрел прямо на нее.

«Он не может меня видеть, это всего лишь сон», — испуганно думает Геля и тут же просыпается.

Третий сон — совсем страшный.

Геля снова видит светящееся яблоко, окруженное чернотой, и сначала очень рада: вот он, тот самый источник света и счастья. Но яблоко несется ей навстречу, становясь все больше, и Геля вдруг понимает, что это планета Земля, а чернота — окружающее ее космическое пространство. И еще она замечает, что поверхность светящегося шара неравномерна. Вдруг где-то вспыхивает горящая точка, расширяется, ее края обугливаются, продолжают расползаться. Смотреть на это невыносимо, но Геля делает усилие, приближается к этой язве. В нее, оказывается, можно заглянуть. Она видит сверху ужасную картину: охваченный пожаром большой город. Рушатся колокольни и башни, доносятся крики, полные страдания. Геля отодвигается, шар вертится дальше. Вот снова червоточина, снова воспаленная, уродливая язва расширяется. Геля заглядывает в нее: видит поле, переполненное людьми и окутанное дымом, оттуда доносится грохот. В каких-то частях поля фигурки копошатся и сшибаются; в каких-то лежат спокойно. Она спускается ниже и видит, что они мертвые, вокруг кровь, у некоторых оторваны руки, ноги, головы. С криком просыпается.

Сны были как-то связаны между собой, и Геля все ломала голову, что за послание оставила ей Фея. А может, не послание и не подарок? Бывают же, в конце концов, просто сны. И нет никакой тайны, а Люсинда Грэй уже и думать забыла о глупой школьнице из Москвы.

От горькой обиды решила выбросить из головы всех на свете фей, все сны и все тайны мира, вечером нагрубил брату, угрюмо почистила зубы и пошла спать.

Сон четвертый приснился Геле иначе, чем первые три, можно сказать, выскочил из шкатулки.

Сначала, как раньше, приснилась музыкальная корбочка. Но в этот раз Геля во сне вдруг поняла, что надо не просто на нее смотреть и слушать мелодию. Нужно что-то сделать. Она стала разглядывать шкатулку. Увидела, что в нее вставлен ключик. Повернула его. Музыка оборвалась, крышка откинулась, а внутри оказалось что-то вроде экранчика или монитора — из него на Гелю смотрела Люсинда, очень сердитая.

— Уф, наконец-то! — гневно сказала Фея. — Как же мне надоел этот милый Августин! Неужели нельзя было сообразить раньше? А еще отличница! Я прямо не знала, что делать! Завтра двадцать девятое, он уже в Москве, а ты все не откликаешься!

В голове у Гели вихрем закружились мысли и вопросы — кто «он»? При чем тут двадцать девятое — день как день, в школу идти. Интересно, а Люсинде она, Геля, тоже сейчас снится? Вот было бы здорово!

Но вслух Геля сказала только:

— Как же я рада вас видеть!

— А уж я как рада, — фыркнула Люсинда. — Но к делу. У нас очень мало времени, так что слушай внимательно. Завтра, как обычно, ты пойдешь в лицей...

— Не пойду — поеду. Меня папа всегда отвозит.

— Знаю, знаю, — раздраженно рявкнула Фея, — я все про тебя знаю. Трещотка и есть, совсем не умеешь слушать! Слава богу, хотя бы умеешь хранить тайны. Не проболталась про меня и про сны... Не перебивай! Итак, завтра, как обычно, папа отвезет тебя в лицей. Ты, как обычно, помашешь ему рукой. Но, как только он отъедет, ты не пойдешь во двор, а перейдешь на другую сторону улицы. Там как раз остановится красная машина с затемненными стеклами. Подойдешь к машине, тебе навстречу откроется дверца. Садись туда. Только сначала убедись, что никто из одноклассников и учителей этого не видит.

«Детям нельзя садиться в незнакомые машины», — хотела сказать Геля, но промолчала. Во-первых, вспомнила про трещотку и про то, что перебивать нехорошо. Во-вторых, все равно это не по-настоящему, а во сне. А в-третьих, очень хотелось узнать, кто там, в машине.

— А кто будет в машине? — все-таки не утерпела она.

— Кто надо. Сейчас я тебя разбуду, а то утром проснешься и все позабудешь. Ну-ка, просыпайся!

Тут зазвонил будильник, и Геля проснулась.

Ночь, в доме тихо, даже часы не тикают, потому что электронные. Никакой будильник, понятно, не звонил.

Ну и сон!

Долго ворочалась, бессмысленно глядя в темноту, но, наконец, все-таки уснула.

Из-за того, что сон был перебит, утром проспала — не услышала настоящего будильника. Хорошо, папа разбудил. Собиралась все равно в спешке, сон из памяти и выскочил.

Папа ее отвез, как обычно, она помахала ему рукой и собралась идти на урок. Вдруг видит — на другой стороне улицы красная машина с затемненными стек-

лами. Геля сразу все вспомнила и остановилась в растерянности. Машина медленно-медленно подъехала и стала медленно-медленно парковаться.

Геля оглянулась — школьный двор опустел, вокруг никого знакомого — и рванула через дорогу.

Дверца справа от водителя распахнулась ей навстречу.

Глава 5

машине сидела Люсинда.

Геля, оказывается, успела забыть, какая она красивая! То есть вроде бы помнила и сто раз представляла, как они встретятся, но в реальности все оказалось намного круче.

— Значит, вы мне не приснились? И вы не вернулись в Америку? Где же вы были все это время? Я так вас ждала! — радостно зачастила девочка.

— Стоп, не все сразу, — остановила ее Люсинда взмахом руки. — Именно, что приснилась. И все это время я провела здесь, в Москве. У меня было очень важное дело.

— А... Какое дело?

— Мне нужно было установить с тобой связь.

— Связь? — Геля удивилась. — Но вы могли встретиться со мной в любое время!

— Особенную связь. Сновидческую.

— Как это?

— Мы должны были научиться общаться во сне, — терпеливо, хотя и не без некоторого раздражения пояснила Люсинда. — Каждую ночь я насылала на тебя сны, чтобы поймать волну твоих сновидений и настро-

иться на нее... Я знаю, что мне это удалось, но не знаю, насколько часты были попадания. Ты видела какие-нибудь ... необычные сны?

— Да, про сад, — кивнула девочка. — Потом про раскопки на каком-то холме. Потом, как в Земле прожигаются дыры.

— И все?

— Еще про музыкальную шкатулку много раз.

— Это сигнал вызова на связь. Ах, если бы ты догадалась повернуть ключик раньше, — воскликнула Люсинда. — Я уж думала, что ошиблась в тебе и ты не та, кто мне нужен. Но самая последняя попытка сработала. Контакт установлен, только теперь у меня нет времени его как следует отладить. У нас с тобой получился всего один сеанс! Мы слышали друг друга и могли разговаривать. Но один раз это очень мало. — Люсинда нахмурилась. — Увы, придется рисковать.

— Что значит рисковать? — встревожилась Геля. — Что вы такое во сне говорили про двадцать девятое сентября? Про кого это вы сказали «он уже в Москве»?

— Как всегда, слишком много вопросов. — Люсинда вздохнула. — Впрочем, про двадцать девятое могу и ответить. Знаешь, что сегодня за день?

— Ну, знаю. Самый обыкновенный, — пожала плечами Геля.

— Нет, самый не-обыкновенный. — Люсинда пронзительно взглянула на Гелю, и той сделалось не по себе. — Сегодня главный день твоей жизни. День, когда решится все.

— Все решится? Для меня?

— И для тебя. И вообще.

Фея повернула ключ в замке зажигания, и машина, мягко заурчав, тронулась с места.

— Пойдите! Я не могу никуда ехать! Я на урок опоздаю! — испугалась Геля.

— Сама виновата, — сварливо сказала Люсинда. — Если бы повернула ключик раньше, мы могли бы сделать это в выходной.

— Что «это»?

— Спасти мир. И в понедельник пошла бы в школу, как положено, — ответила Фея, вырубивая на дорогу.

Спасти мир? Я что, Гарри Поттер? А вдруг она просто сумасшедшая? А я, как дура, еду с чужой теткой, хоть и симпатичной, неизвестно куда? — Мысли лихорадочно метались, и Геля не знала, на что решиться.

Люсинда искоса взглянула на нее. Насмешливо сказала:

— Ладно, спрашивай. Задай один вопрос, самый-самый важный. Как если бы из всех теснящихся в твоей голове вопросов ты могла получить ответ только на один. Подумай, что тебя волнует больше всего. Но предупреждаю. Если вопрос будет не тот, который должен быть, я отвезу тебя обратно в школу, и ты больше никогда обо мне не услышишь.

Геля почему-то ужасно испугалась этой перспективы, хотя более рассудительная девочка, возможно, только обрадовалась бы. Глубоко вздохнула, чтобы сосредоточиться, как учил их в театральном кружке Лев Львович, и тихо спросила:

— А что это там такое светилось среди веток? Маленькое, круглое, одновременно очень горячее и очень холодное?

— Бинго! Дай я тебя расцелую! — воскликнула Люсинда. — Уф, какое облегчение!

Глава 6

Геля проглотила невежливый вопль: «Держите руль!», тем более что Люсинда и не собиралась ее расцеловывать на самом деле. Это было образное выражение, как сказал бы папа.

Убедившись, что Фея сидит смирно, ведет уверенно и внимательно следит за дорогой, Ге-

ля тихонько напомнила:

— Так что это там светилось? Среди веток?

— Райское Яблоко.

— Но... Оно не очень-то было похоже на яблоко! — усомнилась Геля. — Это было что-то сияющее и самое прекрасное!

— Райское Яблоко и не должно быть похожим на обыкновенное яблоко. — Люсинда притормозила на красный, повернула к себе зеркальце заднего вида и поправила свой замечательный кулон. — Райское Яблоко — волшебное яблоко любви, шестьдесят четыре карата ее беспримесной концентрации.

— Вы сказали «шестьдесят четыре карата»? Но карат — это же у ювелиров... как там — «условная единица для определения массы драгоценных камней и жем-

чуга». А яблоко... Хотя то яблоко выглядело как драгоценный...

— Алмаз? Да. Его частенько принимали за алмаз. А ты много знаешь, — Фея мельком улыбнулась девочке, — Наверное, любишь читать?

— Н-нет, — Геля слегка покраснела, — не особенно. То есть не очень люблю обычные книжки или учебники, потому что там нет никаких неожиданностей.

— Вот как?

— Я хотела сказать, что в любых самых интересных книжках сразу знаешь, про что будет история. Если книжка про пиратов — то там будет про пиратов, про корабли и, может быть, немножко про любовь, — объяснила Геля. — Поэтому мне больше нравится искать всякую всячину в Интернете. Там можно ходить по ссылкам и узнавать самые неожиданные вещи.

— И родители тебе разрешают?

— Да, конечно. Мама говорит — дети задают слишком много вопросов, и только поисковик никогда не устает отвечать.

— Как интересно. — Люсинда перестроилась в другой ряд. — И что же ты можешь сказать о Райском Яблоке, дитя всемирной паутины?

— Ну, Райское Яблоко, — Геля сосредоточенно наморщила лоб, — это плод с дерева познания добра и зла. Запретный плод. Дальше рассказывать?

Фея кивнула.

— Только это не из Интернета, а из мультлика, нам его давно еще показывали на уроке истории религии, — честно предупредила Геля. — Значит, жили-были в Раю Адам и Ева. Рай для них устроил Бог и все разрешал там делать, только нельзя было срывать эти самые райские яблоки. Но потом в Рай приполз Змей и задумал лишить Адама и Еву райской жизни просто так, от зависти, и он обманул Еву, уговорил ее все-таки сорвать плод. Ну, Ева сорвала и поделилась с Ада-

мом. А потом Бог заглянул к ним узнать, как дела, ну, или я не знаю, зачем, и Адам и Ева спрятались, потому что знали — им здорово влетит. Но Бог сразу понял, что они натворили, заругался, тогда Адам с перепугу стал все валить на Еву, а она — на Змея. Только Бог все равно их выгнал из Рая. И теперь уже много веков люди думают, что это из-за Евы и ее глупого любопытства, хотя, если честно, Адам со Змеем тоже хороши — один врет, другой ябедничает, — Геля сбилась и с нарастающим изумлением уставилась на Люсинду. — Так это все правда было? Это не сказка? Райское Яблоко существует?

— Сказка, — мягко сказала Фея. — Но сказки и легенды — это зашифрованные послания прошлого будущему. Или, как пишут в учебниках, «коллективный опыт человечества, его представления о миропорядке, нравственности и красоте». И — да, Райское Яблоко существует.

— А... — Геля на минуту задумалась, — а *вы* что можете рассказать о Райском Яблоке?

— Я уж думала, ты не спросишь, — усмехнулась Фея. — Итак, сияние всепроникающей любви наполнило Эдемский Сад и делало Рай Раем. Источником этого сияния, как я уже сказала, было Райское Яблоко, растущее на Древе...

— Пойдите, — воскликнула Геля, — но ведь в Библии говорится о Древе познания добра и зла. При чем тут любовь?

— Ты будешь слушать?

Геля кивнула, но в глазах ее светилось такое любопытство, что Люсинда сдалась:

— Ну хорошо, я объясню. Вопрос Добра и Зла — главный вопрос на свете. Для мужчин. Для женщин же — Любовь. Добро — штука хорошая, кто спорит, но есть вещи, которые не могут предназначаться для всех и быть поровну на всех поделенными. Например,

разве ты хочешь, чтобы Виталик Сухарев любил тебя так же, как остальных девочек в классе?

Геля молча покачала головой, подумав, что для начала ей бы хотелось, чтобы Виталик Сухарев полюбил ее хоть как-нибудь.

— Это мужчины полагают, что главное на свете — Справедливость. И пусть полагают, пусть ради этого стараются, это их долг и предназначение. Но только мы, женщины, способны понять, что главное — Любовь. Никакая справедливость ее не заменит. Справедливый мир, в котором не правит Любовь, это ужасно. Никогда тот, кого любишь, не будет для тебя одним из миллиона. И никогда ты не захочешь, чтобы тот, кто тебя любит, относился к тебе по справедливости. Любовь выше справедливости и всего на свете. Мы, женщины, знаем это по праву рождения. — Люсинда вынуждена была прерваться, потому что разом загудели все машины (они уже минут пятнадцать торчали в пробке на Садовом).

Люсинда досадливо поморщилась, переживая, а Геля подумала, что получилось даже торжественно.

— Знала это и самая первая из женщин, Ева, — продолжала Фея, когда шум утих. — Но если главная наша сила — Любовь, то главная слабость — жгучее любопытство. Вот и Ева, не совладав с любопытством, сорвала Яблоко, и оно пустилось в странствия по свету. Началась земная жизнь, где доброе и злое, жизнь и смерть, радость и страдание переплетены в клубок, распутать который невозможно. Там, где оказывалось Райское Яблоко, царили свет, тепло, радость. Когда оно исчезало, воцарялись мрак, холод и ужас. Мир тоже похож на яблоко, но он огромен, а Райское Яблоко очень маленькое, оно не может быть повсюду. Кроме того, Райское Яблоко таит в себе страшную опасность. Поскольку оно такое красивое и похоже на самый прекрасный в мире алмаз, им хотят завладеть многие, ни

перед чем не останавливаясь. Его вечно кто-то хочет распилить на кусочки, или огранить, или вставить в оправу. Эти попытки наносят Яблоку рану, ему больно. А когда Райскому Яблоку больно, Любовь превращается в свою противоположность...

— Ненависть? — ахнула Геля.

— Да. Шестьдесят четыре карата концентрированной ненависти — страшная разрушительная сила. Всякий раз, когда кто-нибудь покушается на цельность Яблока, в мире происходит катастрофа. Ведь войны случаются из-за того, что место, которое должна занимать любовь, занимает ненависть.

Они с Феей немножко помолчали, потому что было грустно — словно холодная тень всеобщей ненависти могла дотянуться и до маленького красного автомобильчика.

Наконец Геля сказала:

— Теперь мне понятно. Про сны, которые вы... гхм... насылали. Только...

Фея вопросительно подняла бровь.

— Мне снились три сна: один — про Райский Сад, другой — как раз про войны и катастрофы. Но был еще и третий. Про какого-то человека, который рыл яму на холме. В пустыне. Скажите, — Геля помедлила, — кто этот человек?

Глава 7

— Тео Крестоносец, — ответила Люсинда.

— Тео де Дорн! Пятый сын Арнульфа Дорна; отправляясь в крестовый поход, получил от отца кинжал. Сражался пехотинцем вместе со старшими братьями Петером и Клаусом в войске Гуго Вермандуа. Был посвящен в рыцари

лотарингским герцогом Годфруа за бой близ Дори-леи... — девочка осеклась под насмешливым взглядом Феи.

— Это все тоже из Интернета?

— Да, — обреченно кивнула Геля, — статья из Википедии «Фандорины». Ее папа написал... У папы хобби: изучать историю рода Дорнов. Он нам в детстве часто эту историю рассказывал вместо сказок, — и грустно добавила: — Я почти всех известных Дорнов-Фандориных наизусть помню, могу нормального человека до смерти уморить... Извините.

— Ничего, так даже лучше, — Люсинда вывернула руль и сделала неприличный жест в сторону толстого дядьки на «лексусе», который пытался их подрезать, — не придется много объяснять.

— Как это «не придется»? — возмутилась Геля. — Я не понимаю, при чем тут Тео Крестоносец?!

— А ты подумай.

Геля стала вспоминать сон — пустыня, город (теперь понятно, что это Иерусалим), холм, синеглазый дядька в яме — и почти сразу догадалась:

— Там в пыли что-то блестело. Это было Яблоко? Тео его нашел?

— Да! Этот сукин сын его нашел! — Фея в сердцах стукнула обеими руками по рулю, и машина от этого испуганно вякнула.

— Зачем же обзывать плохими словами? — обиделась за предка Геля.

— Плохими?! Я тебя умоляю! Для этого человека еще не придумали достаточно плохих слов! — прорычала Фея.

Выглядела она в этот момент не очень — зеленые глаза злобно сверкали, губы кривила саркастическая усмешка и даже, казалось, волосы слегка шевелились, как у Медузы Горгоны (если бы Медуза носила короткую стрижку, конечно).

— А вы, я вижу, его... недолюбливаете? — осторожно поинтересовалась Геля.

— О-у, да! Тео де Дорн — воплощение худших качеств мужчины. Они вечно выдумают себе какую-нибудь дребедень, обзовут «идеей», свято в нее уверуют и потом ради этой «идеи» готовы разрушить и залить кровью полмира!

Люсинда говорила так зло, что Геле даже стало немножко жалко бедных мужчин.

— Крестonosцы! — продолжала бушевать Люсинда. — Нет, ну ты подумай, как можно, прикрываясь именем милосердного бога, ворваться с саблями и копьями в город, где живут маленькие дети, женщины, старики, устроить ужасную резню, грабить и убивать, при этом «радуясь и плача от безмерной радости». Какая идея может это оправдать? И это у них называется «победа правого дела»! Покрыли себя позором, как...как... —

Люсинда посмотрела на Гелю и проворчала уже спокойнее: — Ладно, ты еще маленькая про такое слушать.

— Тео, — с опаской, но и упрямо напомнила Геля.

— Вернемся к Тео, — кивнула Фея. — И вот, представь, что по воле случая к одному из этих так называемых христовых воинов, человеку упертому, лишенному воображения, попадает в руки Райское Яблоко. После того, как на целую тысячу лет враги Любви зарыли его под землю и крест-накрест запечатали это место самым страшным заклятием (впрочем, это отдельная история, я не буду тебе ее сейчас рассказывать). Тео, разумеется, ничего не понял — мужчины часто лишены настоящего зрения, они видят только то, что доступно глазу. Рыцарь де Дорн принял Райское Яблоко за алмаз и обменял его на сто кусков драгоценного индийского шелка.

— И вы поэтому его так ругаете? Его вина в том, что он продал Яблоко?

— Ну, скажем, не вина, а преступная неосторожность. С одной стороны, он выпустил Яблоко на волю, и мир стал понемногу наполняться Любовью, меняться к лучшему. Но Тео оставил Яблоко без защиты, поэтому уже почти тысячу лет оно катится по свету как придется, не защищенное от злобы, глупости и жадности. А все потому, что он совершил преступление...

— Вы же сказали — преступная неосторожность!

— Правильно. Преступления не всегда совершаются по злему умыслу. Бывает, что по неосторожности или незнанию...

— Но это не избавляет от ответственности, — грустно закончила Геля.

— Верно. Тео совершил преступление — продал Любовь за деньги, чтобы из кучи камней сложить замок с железной крышей. Увы, мужчины часто делают эту ошибку: им кажется, что камень и металл долговечней хрупких и невесомых чувств. Но Тео де Дорн — наш общий предок, Ангелина, и поэтому все Дорны, и

мы с тобой в том числе, несут ответственность за судьбу Райского Яблока. Раз потеряли — должны найти.

— Как же мы его найдем? — уныло протянула девочка. — Где оно сейчас может быть?

— Этого я не знаю. Но я знаю, где оно бывало в прошлом. Многие в истории Яблока неизвестно. Оно то мелькало где-то, то вдруг на века исчезало. Но некоторые его появления зарегистрированы в хрониках или воспоминаниях. Во всяком случае, можно догадаться, что речь идет именно о нем.

Люсинда замолчала, взглянув на Гелю с сомнением, словно не была уверена, стоит ли рассказывать дальше.

— Что с ними не так? С этими хрониками? — решительно спросила Геля. — Вы не хотите рассказывать, потому что думаете, что я не пойму?

— Теперь уверена, что поймешь, — скупно улыбнулась Фея. — Дело в том, что так называемые исторические события — это в основном хроника потрясений и несчастий. Войны, катастрофы, перечень императоров, отличившихся особенной жестокостью. Это потому, что вспышку ненависти гораздо проще заметить и зафиксировать, чем постепенные изменения к лучшему. Райское Яблоко воздействует на окружающий мир медленно, как...

— Я знаю! — вскричала Геля. — Как ионизатор воздуха!

— Что? — удивилась Фея.

— Ну, у моей бабушки есть такая штука — ионизатор воздуха, — принялась объяснять девочка. — Он «производит очистку, дезинфекцию, ионизацию и увлажнение воздуха, что позволяет создать идеальный микроклимат», это в инструкции так написано. Короче, воздух становится чистым и полезным, а люди, которые им дышат, — здоровыми. Но все происходит незаметно и постепенно, только грозой немножко пахнет. Так и Яблоко действует, да?

— Хороший пример, — сказала Люсинда с веселым изумлением, но потом очень серьезно добавила: — Однако у Яблока, в отличие от ионизатора, есть одно крайне опасное свойство...

— Если ему сделать больно, то в мире происходит катастрофа. Я помню, — кивнула Геля.

— Именно поэтому некоторые люди — ограниченные, невежественные, темные люди — считают Яблоко зловещим артефактом, причиной бед и несчастий.

— Так оно же и есть причина бед! То есть... Яблоко не виновато, что с ним так обращаются. Нарушают инструкцию по эксплуатации, вот. Его надо найти и... И я не знаю — что. Рассказывайте же скорее, где его видели, а то я сейчас умру от любопытства!

— Тео де Дорн продал Яблоко Аршандо де Сент-Аньяну, одному из девяти монашествующих воинов, принявших обет бедности и основавших впоследствии орден тамплиеров, — медленно начала Люсинда. — Но вывоз из Иерусалима так называемый алмаз не он, а доверенный оруженосец рыцаря Жоффруа Бизо, молодой трубадур Бертран де Валеира.

Яблоко отправилось в другой «розовый город» — Тулузу.

Там, в Окситании, стране жгучего солнца и коротких теней, Яблоко хранилось более ста лет. И это единственный период покоя, о котором нам доподлинно известно. В XII—XIII веках Окситания была самой культурной страной Европы и отличалась неслыханной по тем (да и не только по тем) временам терпимостью — не было непреодолимых межсословных барьеров, любой чужеземец, прибывший в страну Ок, мог стать ее полноправным гражданином; иудеи, притесняемые и гонимые во всем христианском мире, могли спокойно исповедовать свою религию. Женщины получали образование наравне с мужчинами. Слава трубадуров гремела повсюду. Трубадуры научили мир любить и славить Да-

му. Женщина, которая в христианской традиции считалась «сосудом греха», существом нечистым, превращалась в высшее существо, служение которому составляло цель жизни куртуазного рыцаря...

— Ладно, про куртуазных трубадуров я помню, — не выдержала Геля, — но в остальное чего-то слабо верится... Просто либерте-эгалите-фратерните — как в рекламе сигарет. Это же средневековье, а вы какие-то сказки рассказываете.

— Книжки надо читать, а не по интернетам шастать, — парировала Люсинда. — Впрочем, в чем-то ты права. Окситания, озаряемая лучами не только солнца, но и Любви, в разгар средневековья достигла такого уровня культуры, какого остальная Европа смогла достичь лишь в эпоху Возрождения. Однако ни любовь, ни солнечные лучи не могут никого защитить. Над Окситанией стали сгущаться тучи — хитрый и жадный папа Иннокентий Третий нацелился добраться до богатств владетельных синьоров Прованса и Лангедока и уничтожить катаров, называемых еще *mondis* — чистыми. Да и тогдашний король Франции, Филипп Второй Август, был не прочь прибрать к рукам окситанские земли.

— Катары — это еретики! — вспомнила Геля.

— Еретики, — подтвердила Люсинда. — *La fe sans obras morta es* — «Вера без добрых дел мертва» — такой у них был девиз. Однако речь сейчас не о них. Раймон Четвертый, граф Тулузский, сколько мог, избегал войны. Но в 1209 году он совершил роковую ошибку — решил преподнести в дар Иннокентию перстень с драгоценным алмазом, привезенным из Святой Земли.

— Яблоко?

— Да. Алмаз был отправлен ювелиру Жану де Нотрдаму, несмотря на предостережения Эсклармонды де Фуа, одной из Совершенных (так тоже называли катаров).

— Она знала? — жадно спросила Геля. — Знала про Яблоко?

— Едва ли. Просто женщины лучше чувствуют вне-рациональное и невидимое. То есть понимают истинную суть вещей. В том же году кровожадные полчища крестоносцев под предводительством аббата Арно-Амори вторглись в окситанские земли...

— А с Яблоком что случилось?

— По некоторым сведениям, Эсклармонде де Фуа удалось увезти его в Монсегюр, цитадель катаров. В 1244 году Монсегюр пал, и следы Яблока затерялись. Но в 1665 году алмаз всплыл в Лондоне. Карл Второй, Merry King, преподнес своей любовнице, герцогине Кливленд, круглый алмаз удивительной красоты...

— Великий пожар 1666 года, — прошептала Геля.

— Ты меня удивляешь, — приподняла бровь Люсинда.

— Папа, лицей и интернет, — ехидно ответила девочка, — А дальше?

— Снова Франция. Летом 1792 года Мария-Антуанетта совершает очередной безрассудный поступок — заказывает придворному ювелиру ожерелье и велит огранить круглый розовый алмаз.

— Французская революция? Но революция — это же хорошо! Всякие обездоленные и бедные получают равноправие! — возмутилась Геля.

— Либерте-эгалите-фратерните? — не менее ехидно поинтересовалась Фея. — А реки крови? Гильотины? Аристократы на фонарных столбах? Аристократы — тоже люди, между прочим.

— Все это бесполезно, — вздохнула Геля. — Ну, знаем мы, что Яблоко было в Лондоне или Париже давным-давно, — какой в этом толк, если мы не знаем, где оно сейчас? Мы ведь не можем достать его из 1792 года...

— Еще как можем, — завершила ее Люсинда. — Есть способ. Но воспользоваться им можешь только ты.

Глава 8

ока Геля сидела, глупо открыв рот, и обдумывала, как бы помягче намякнуть двенадцатиюродной родственнице, что такое бесстыдное вранье не проглотит даже первоклашка, не говоря уж о серьезном человеке одиннадцати лет, Люсинда стала деловито излагать подробности:

— Есть способ перемещения во времени, доступный только девочкам, — попадать в прошлое по восходящей материнской линии. От отца ребенку — и сыну, и дочери — передается связь духовная, это очень важно. Но по материнской линии — телесная, а это открывает уникальные возможности. Довольно легко, например, попасть в жизнь собственной матери во сне. Такое случается довольно часто само по себе. Возможно, и тебе приходилось видеть во сне что-то странное, каких-то незнакомых людей, которые кажутся тебе почему-то очень знакомыми или даже родными, они тебе что-то говорят, но смысл их речей смутен или непонятен?

Геля кивнула, как загипнотизированный кролик.

— Так знай, что ты попала в сон своей мамы или бабушки, или прабабушки, или еще более давнего

предка по женской линии. О, это удивительная тема! Я заинтересовалась ею еще в юности, изучая практики бразильских знахарок, ритуалы, используемые колдунами и шаманами диких племен, а также видения католических монахинь. После многих лет исследований и экспериментов я изобрела способ, при помощи которого могу сделать так, что ты проникнешь в сон твоей матери или матери твоей матери... Ну и так далее, — Люсинда выдохнула. — Эта незримая связь сохраняется на века, разве что немного слабеет со временем.

— Ну, допустим. Допустим, что... Ладно, — проворчала вконец замороченная Геля. — Но что толку, если попадешь в прошлое во сне? Во сне же ничего не делаешь!

— В том-то и состоит главный фокус моего открытия! Тот самый Slumbercraft, с помощью которого я установила с тобой сновидческий контакт, может не только направить тебя в сон твоей мамы или бабушки, но и посредством дополнительного импульса оставить в ее теле после пробуждения. — Фея многозначительно посмотрела на Гелю. — То есть переместить в соответствующее время.

— Все страньше и страньше, — пробормотала девочка, но Фея, похоже, еще не закончила свою лекцию.

— Это поразительное умение, свойственное только нам, женщинам, я назвала ретрораппортация.

— Ретрорапо...что? Похоже на скороговорку. Карл у Клары, и все такое...

— Ретрораппортация. Что тут сложного? — раздраженно поинтересовалась Фея. — Латинский глагол portare означает «переносить», retro — назад, а rapport — это термин, обозначающий установление психической связи в гипнозе между гипнотизером и гипнотизируемым.

— О да, проще простого, — хихикнула Геля. — Ретрораппортировались, ретрораппортировались, да не выретрораппортировались....

Но Фея так на нее посмотрела, что пришлось извиняться и кротко просить ее продолжать.

— О'кей. Времени у нас совсем мало, — кивнула Люсинда. — Я могу ретрораппортировать тебя в тело твоего предка по женской линии.

— Вау, — вяло восхитилась Геля.

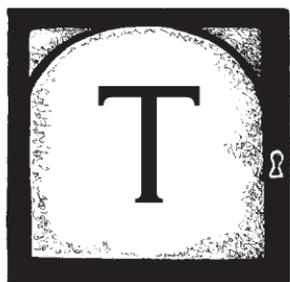
— Самое обидное, что я не в силах проделать это сама с собой, — трагическим голосом произнесла Люсинда. — По двум причинам. Во-первых, один и тот же человек не может переноситься во времени и управлять Slumbercraft. А во-вторых, ретрораппортировать можно лишь в очень раннем возрасте. Ах, если бы я могла оказаться на острове Барбадос в 1702 году! — размышлялась Фея. — В это время Яблоко там точно появлялось, а моя семь раз «пра» бабка — и как раз по материнской линии — именно тогда была в тех краях! Я бы проснулась ею и сделала то, что должно быть сделано! Но я открыла тайну ретрораппортации слишком поздно, уже совсем-совсем взрослой...

Но Геля вконец задолбалась слушать про предков — двенадцатиюродная Фея оказалась даже хуже папы в этом смысле — и решила снова перебить Люсинду:

— Скажите, а почему — я? Почему вы именно меня выбрали? Только потому, что я происхожу от того крестоносца? Но у него, наверное, полно потомков по всему миру за тысячу лет!

— Да, на свете много девочек, ведущих свое происхождение от Тео Крестоносца, хотя большинство из них об этом и не подозревает. Но скрещение двух необходимых для дела линий встречается только в тебе одной.

Глава 9

ы уникальна! — Люсинда посмотрела на Гелю с гордостью энтомолога, только что открывшего новый вид гусениц. — Во-первых, по отцовской линии ты из рода Дорнов, то есть разделяешь нашу ответственность. Во-вторых, по женской линии ты происходишь

от одной девочки, которую звали Поля, Аполлинария Рындина.

— Какая же это девочка, — не сразу сообразила Геля. — Это моя прабабушка, Аполлинария Васильевна, я о ней от мамы слышала. Какая она была красивая, даже в старости, а в молодости — вообще! И, между прочим, шкатулка с пастушкой тоже ее!

— Кому ты это рассказываешь? — хмыкнула Фея. — Я потому и выбрала этот предмет. Надеюсь, что он нам пригодится. Но про это позже. Не перебивай! ...В-третьих, Яблоко в начале XX века находилось в Москве, где родилась и выросла твоя прабабушка. А в-четвертых, и в самых главных, 13 марта 1914 года Поля Рындина упала и ударилась затылком о порог, да так сильно, что потеряла сознание и долго лежала как мертвая. Врачи думали, что она не очнется.

— Наверное, в коме была, — прокомментировала юная всезнайка, — это когда человек долго не приходит в сознание и вообще ни на что не реагирует, правильно?

— В общих чертах. Кома в переводе с греческого значит «глубокий сон». Ну а уж сон разума — это моя сфера знаний, мое царство. Я ведь Фея Снов. — Люсинда ободряюще улыбнулась Геле и свернула в какой-то дворик. — Я могу поместить тебя в спящее сознание Поли Рындиной и научу, что нужно сделать, чтобы очнуться. Вытолкну тебя из комы, понимаешь? И потом каждый раз ночью, когда ты заснешь, мы будем общаться. Я буду узнавать от тебя, что произошло за день, и говорить тебе, что делать дальше. Все, приехали. — Фея припарковалась и заглушила мотор. Из машины, однако, выходить не спешила.

— Вас что-то тревожит? — спросила Геля, заметив, что Люсинда хмурится.

— Дистанция почти в сто лет, — ответила Фея. — Мне еще не приходилось использовать аппарат через такую толщу времени. А у нас с тобой был всего один удачный сеанс двусторонней связи. Ладно, — бодро продолжала она, — я думаю, Slumbercraft не подведет. Теоретически все должно сработать. А если получится ретрораппортация, значит, получится и связь. Может, не всякий раз, но получится.

— А что, если вы меня туда запустите, а обратно вытащить не сумеете? — вдруг испугалась Геля, но Фея заверила:

— На этот счет можешь не беспокоиться. В прошлом ты пробудешь примерно шесть недель, а потом вернешься. Это я тебе гарантирую.

Вместо того, чтобы поинтересоваться, что это за гарантии такие, Геля простонала:

— Шесть недель? Шесть?! А мама, а папа, а лицей?

— Время в прошлом движется в 365 раз медленнее. Это я установила экспериментально. Тебе достаточно отсутствовать несколько часов, чтобы в прошлом миновали недели. А пару часов мы как-нибудь найдем. Ну что — по рукам? — Фея протянула Геле узкую холеную ладонь.

— По рукам, — вздохнула девочка.

Фея вышла из машины. Геля тоже выбралась, красный автомобильчик пиликнул вслед сигнализацией.

Подошли к двухэтажному особнячку, стоявшему в глубине двора.

Дом был старый, а дверь оказалась новомодной, железной. Фея провела пластиковой карточкой в электронном замке. Дверь с легким всхлипом отворилась, и они вошли.

Поднялись по боковой лесенке на второй этаж, и Фея распахнула дверь комнаты, в которой почти не было мебели, — только тяжелые портьеры на окнах, большое кресло, рядом — журнальный столик на гнутых ножках. На столике ... ноутбук? Серебристый аппарат, похожий на средних размеров чемоданчик, с двумя то ли колонками, то ли черт знает чем. А у стены — расстеленная кровать.

— Но я совсем не хочу спать! — воскликнула Геля.

— Об этом можешь не тревожиться, — рассмеялась Люсинда. — Я же Фея Снов. У нас не так много времени, если ты, конечно, хочешь вернуться домой не слишком поздно. Поэтому слушай, в чем будет состоять твое задание.

Глава 10

догадалась. Нужно достать Яблоко и доставить вам, — сказала Геля.

— Увы, это невозможно. Ретрораппортация через сон не позволяет перетаскивать из прошлого физические объекты. — Люсинда развела руками. — А если бы такое и было

возможно, все равно красть из прошлого Яблоко Любви нельзя. Любовь нужна всякому времени. И вообще, украденная любовь еще никому счастья не приносила. Нет, ты должна сделать кое-что другое — покрыть Райское Яблоко неким защитным слоем, который сделает его неуязвимым, уберезет от враждебного воздействия.

— Волшебное снадобье, да? Вы мне его дадите?

— Что это детей все тянет на волшебство? — устало поинтересовалась Фея. — Нет никакого волшебства, есть научные открытия, изобретательность, ум, счастливый случай. Я бы легко могла дать тебе состав, который сделает Яблоко неуязвимым. Изготовить его сегодня несложно. Но, повторяю, невозможно перетаскать что-то из одного времени в другое через сон. Ты должна будешь изготовить снадобье в 1914 году сама.

— Но как?!

— У меня нет времени тебе это объяснять. Каждая минута, которую мы теряем здесь, в прошлом равна 365 минутам, то есть шести часам. К тому же не хочу сейчас перегружать тебя лишними сведениями. — Фея указала Геле на кровать, а сама прошла к столику, раскрыла «чемоданчик» (внутри оказались экран и клавиатура, как Геля и предполагала), нажала какую-то кнопку, машина загудела. — У тебя и так будет очень много трудностей, особенно в первое время. Успеется, — Фея успокаивающе кивнула экрану, — мы ведь будем на связи, а ты проведешь в теле прабабушки достаточно долго...

Пока Фея колдовала над своим странным ноутбуком, Геля подошла к кровати, потрогала подушку. От постельного белья шел слабый сладковатый запах луговых цветов.

— Одно меня беспокоит, — бормотала Люсинда, остервенело пробегая пальцами по клавиатуре, — насколько качественной будет связь. Ты там вот что: постарайся разыскать шкатулку с танцующей пастушкой и почаще на нее смотри наяву, — обернулась она к Геле, — чтобы во сне, как только раздастся «Милый Августин», несмотря на сонное оцепенение мозга, сразу сообразила, что нужно сделать. Увы, будильником, как вчера ночью, воспользоваться не получится — этот фокус работает только в настоящем времени.

Девочка кивнула, но Люсинда уже не смотрела на нее. Уткнувшись в монитор, отрывисто бубнила:

— Настройки... Подготовка к работе... Информация...

Геля повздыхала, посидела на кровати, потом все-таки прокралась за спинку феинового кресла и с интересом уставилась в экранчик. Ноут как ноут, ничего особенного. Два окошка открыты — по одному, темному, со страшной скоростью бегут колонки зеленоватых, совершенно непонятных символов. А в другом мелькают фотографии и текст.

— Настоящие досье, как в американских фильмах, — восхитилась Геля. — А это что за тетьки?

— Эти, как ты выразилась, тетьки — твои предки по женской линии. Вот Аполлиария Васильевна Рынди-на, родилась в 1902 году, вышла замуж за Игнатия Герасимовича Максимова. Ее дочь, Альбина Игнатьевна Максимова, родилась в 1934, вышла замуж за Фархата Равилевича Мамаева, штурмана гражданской авиации. Ее дочь.... Да, вот, кстати, — извернувшись в кресле, как кобра на гнезде, Люсинда взглянула на Гелю, — в вашем роду, как я заметила, с давних пор существует традиция называть девочек на букву «А». Твою прабабушку звали Аполлиарией. Ее мать — Аглаей. Твою бабушку — Альбина. Ее муж, Фархат Мамаев, хотел непременно татарское имя для дочери, но все равно выбрали на ту же букву — Алтын. А ты — Ангелина.

— Впервые слышу о такой традиции, — пожалала плечами Геля, — мама мне ничего не рассказывала.

— Ну, если это получилось случайно, то еще лучше. Тем более, ничего случайного на свете не бывает.

И только Геля собралась спросить, что такого хорошего в этих заглавных «А», как темное окошко схлопнулось, волшебный ноутбук истошно заныл, а Фея, воскликнув: «Есть контакт!», обернулась к девочке:

— Сейчас я начну инструктаж, а ты устраивайся поудобнее, — она махнула рукой в сторону кровати, — и внимательно слушай.

Будущая спасительница человечества послушно улеглась, вытянувшись как солдатик, отрапортовала:

— Готово!

— Хорошо, — кивнула Фея. — Скоро ты уснешь, но еще некоторое время будешь слышать мой голос. А потом очнешься уже Полей Рындиной. Для домашних Поли — очнешься после долгого обморока. Твоя первая задача — «выздоровей», научись правильно вести себя по меркам 1914 года как можно быстрее. Ак-

климатизируйся там достаточно, чтобы тебе позволили ходить в гимназию. Когда выполнишь это задание, получишь следующее.

— Какое? — спросила Геля.

— Не перебивай меня, сколько раз тебе повторять, всему свое время. Ты попадешь в четвертый класс гимназии...

— Но я уже в шестом! — обиделась ученица лицея.

— Это безнадежно! — воскликнула Фея. — Что мне делать? Заклеить тебе рот скотчем?

— Извините, я больше не буду, — испуганно пискнула Геля.

Фея покачала головой и продолжила:

— В четвертом классе гимназии учились девочки двенадцати, а то и тринадцати лет. Нет, молчи! Тебе нетрудно будет выдать себя за двенадцатилетнюю. Понятие «акселерация» тебе знакомо?

— Ну... да, — с опаской отозвалась Геля (а вдруг это был риторический вопрос и фея снова заругается?) — Это когда дети быстро растут, — и, ободренная тем, что фея так и не заругалась, стала объяснять подробнее: — То есть увеличение роста нового поколения по сравнению с предыдущим. Я где-то читала, что человечество в целом за последние сто лет подросло примерно на 10–15 сантиметров...

— Акселерация, от латинского *acceleratio* — ускорение, наблюдающееся за последние 150 лет ускорение физического и, заметь, умственного развития детей, — подхватила Люсинда, — современные дети вынуждены воспринимать и анализировать огромный поток информации. Обучение в гимназии едва ли станет для тебя проблемой. Ты же отличница. Ах, черт! Как же я могла забыть... Где моя сумочка?

Сумочка лежала у кресла, как рыбка, выброшенная на берег, — на боку, поблескивая пайеточной чешуей, с широко раскрытым стальным ротиком.

Фея покопалась в ней, достала бархатный мешочек, из мешочка — серебристый футлярчик, из футлярчика — стеклянный пузырек, который и вручила Геле:

— Вот, выпей это.

— А что это? — Геля не нашла на пузырьке надписи «яд», но мало ли.

— Самсонит. Тройчатка. Блицэффект.

Люсинда, конечно, снова разозлится, но любопытство пересилило страх, и Геля упрямо спросила:

— А можно подробнее?

— Самсонит, так называемый биохимический медиатор знаний, изобретен более двухсот лет назад Самсоном Спайком. Усовершенствован в секретных лабораториях Ротвеллера, а тот препарат, что ты держишь сейчас, — моя разработка, основанная на методике пенетрационного изучения иностранных языков.

— Какого-какого?

— Пенетрационного, то есть проникающего сразу в кору головного мозга, — объяснила Люсинда. — Как я уже говорила, учебная программа в гимназии едва ли затруднит тебя. За одним небольшим исключением — иностранные языки. Поля Рындина изучала французский и немецкий, а ты их не знаешь и вряд ли сможешь выучить за несколько недель. А с помощью этого препарата мгновенного действия...

— Я буду знать немецкий и французский? Просто так, без всяких уроков? Круто!

— Конечно, учитывая обстоятельства, без этого можно было и обойтись. Однако не стоит привлекать к твоей персоне излишнее внимание. Но если ты не хочешь...

— Я выпью, выпью, — торопливо заверила Фею девочка. — А эти знания — они навсегда или только на время... командировки?

— Навсегда. Считай это маленьким подарком от фирмы.